

УДК 81

В. Г. Руделёв
О. А. Руделёва

Системные представления названий цвета в русском языке. От «чёрного» и «белого» до «зелёного» и «красного»

В статье исследуются оппозиции и корреляции слов русского языка, являющихся обозначениями <цвета>. Применяется разработанный в рамках Тамбовской лингвистической школы теоретико-информационный метод.

Ключевые слова: антонимическая оппозиция, гиперический элемент, нейтрализация, синонимическая оппозиция, дифференциальный признак, маркированность, семантический субстрат значения.

Настоящая статья продолжает исследование, проведённое в 2001 году [1], в ходе которого была постулирована русская антонимическая оппозиция [*белый* ↔ *чёрный*]; эту оппозицию оказалось возможным рассматривать в качестве базовой для всех иных оппозиций и корреляций слов, являющихся названиями <цвета> в русском языке. Обычно антонимическая оппозиция бывает не двучленной, а трёхчленной, с гиперическим «средним» элементом, общим для двух синонимических пар, на базе которых и существует антонимия ($[a \rightarrow b \leftarrow c]$) [2]. Поскольку в некоторых случаях антонимическая оппозиция оказывается дефектной, без какого-либо одного из трёх элементов (и даже — без двух!), что, в случае её вхождения в корреляцию, вполне закономерно и даже обусловлено системно, мы на первых порах и нашу оппозицию представляли как дефектную, с нулевым «средним», «гиперическим», элементом, т.е. как [*белый* → X ← *чёрный*]. Внимательное чтение Словаря В. И. Даля [3], который до сих пор ещё является единственным подлинно научным и достаточно русским словарём нашего языка, очень быстро дало нам возможность найти слово, которое заменило собою обозначенный «иксом» элемент. Это было слово *серый*.

Итак, сегодня нам антонимическая оппозиция с «крайними» элементами *белый* и *чёрный* представляется трёхчленной структурой: [*белый* → *серый* ← *чёрный*] — с двумя синонимическими оппозициями, в которых маркированными элементами являются элементы *белый* и *чёрный*, а дважды немаркированным — элемент *серый*:

[*белый* → *серый* ← *чёрный*]

признак a ¹	+	–	–
признак a ²	0	–	+

В 2001 году нами были определены и обоснованы семантические субстраты слов *белый* и *чёрный*: для первого слова здесь вполне подошло понятие <хороший> (признак a¹), а для второго — <плохой> (признак a²); упомянутые семантические субстраты мы имеем полное право отождествить с названиями семантических признаков, отличающих маркированные оппозиции *белый* и *чёрный* от немаркированного *серый*. Самым сильным в информационном отношении элементом в представленной трёхчленной структуре оказывается элемент *белый*, а самым слабым — элемент *серый*. *Серый* — это <не хороший> и <не плохой> («ни то — ни сё», «ни два — ни полтора», «ни рыба — ни мясо», «ни Богу свечка — ни чёрту кочерга» и т.д.).

© Руделёв В. Г., Руделёва О. А., 2012

Заметим, однако, что представленная здесь модель отношений между названиями *белый* и *чёрный*, с наиболее информационным элементом *белый*, неустойчива и имеет разновидность, в которой название *белый* находится на втором месте, а на первое место вырывается название *чёрный*:

[*чёрный* → *серый* ← *белый*]

признак а ¹	+	–	–
признак а ²	0	–	+

Система цветообозначений в русском языке, оказывается, не вполне стабильна, напротив, она динамична — в самом своём основании.

По Далю, *серый* — <примесь чёрного, тёмного к белому> [3, т. 4, с. 381]. Великий русский лексикограф, таким образом, выбирает вторую модель отношений в исследуемой трёхчленной оппозиции (см. выше). Согласно этой модели, синонимическая оппозиция *серого* с *чёрным* раньше, чем вторая оппозиция, подвергается нейтрализации: слово *серый* наследует признак <плохой> у слова *чёрный*, и это отражается в микротекстах; ср. у того же Даля: *серый волк, серое (некрашеное) сукно, серая бумага (грязного цвета), серая погода* и т.д. *Серый мужичок (серяк)*, по Далю, — <простой, грубый, рабочий, **чёрный**, лапотник...>. Такое же значение (применительно к человеку) у слова *серый* встречается в современной русской поэзии; ср. в палиндроме Н. И. Ладыгина:

О, горе серого,

О, хилого лиха.

И косога соки [4, 5].

В таком обществе эпитетов, мы полагаем, ничего <белого>, <светлого>, <хорошего> быть не может, а <плохого> — хоть отбавляй!

Нейтрализация оппозиции [*белый* → *серый*] — явление более сложное, хотя и максимально закономерное. Здесь значительную роль играет «резервное» слово *седой*, в котором мы находим ту же внутреннюю форму (в смысле Гумбольдта и Потевни), что и в слове *серый* (прасл. **see-r-//*see-d-*; и.-е. **seh-r-//*sehd-* — с ларингальным удлинением краткого **e* (по Соссюру, Бенвенисту и Куриловичу: [6, 7, 8]; см. ещё: [10]); ср. [9, т. 3, с. 610—611, 615]). Та же внутренняя форма, между прочим, в праславянском слове **see-tii* <сеять>. Ларингальный вариант индоевропейского корня **seh-(r)-* представляет корень **sh-r-* (он в прасл. слове **so-r-y* <cop>). Вот здесь — и тайна слова *серый*: его древняя семантика обнаруживается в словах, обозначающих процессы <сева // сеяния> и <просевания>, это <цвет> зерна, половы, мякины и т.п.; фактически это полное отсутствие <цвета> и в то же время — цветовая реабилитация «бесцветных» слов *белого* и *чёрного*: в отношении этих слов о <бесцветье>, оказывается, говорить нельзя.

Нейтрализация оппозиции [*чёрный* → *серый*], когда слово *серый* берет на себя значение <плохой>, а нейтрализация оппозиции [*белый* → *серый*] тормозится введением «резервного» слова *седой*, берущего на себя значение слова *белый*, прослеживается в крыловской басенной фразе («Волк на псарне»), которую Даль приводит в своем словаре:

...Ты — *сер*, а я, приятель, — *сед*...

Речь идет о Наполеоне Бонапарте, который сравнивается с *серым (злым, <плохим>, чёрным) волком*, и о *седовласом* фельдмаршале М. И. Кутузове, который победил Бонапарта (*серого, черного, <плохого> волка*).

Видимо, рассуждения об оппозиции [*белый* → *серый* ← *чёрный*] могут быть продолжены и подкреплены огромным числом эмпирических фактов, но наша главная цель будет тем самым отдалена, а она, эта цель, — в создании глобальной модели цветообозна-

чений в русском языке, в которой оппозиция со словами *белый*, *серый* и *чёрный* — только начало. Начало это, однако, чрезвычайно важное: оно позволит целый ряд названий цвета отнести либо к словам со значением <хороший>, либо к их антонимам.

Заметим, что подобные глобальные модели (и ничто иное!) являются смыслом и пафосом лингвистических исследований. Всякие иные языковые описания, несмотря на их несомненную фактологическую (накопительную) ценность, не могут претендовать на лингвистический аспект (ср. [11, 12]).

* * *

Цветовыми синонимами слова *белый*, безусловно, являются слова *красный* и *синий*; вместе со словом *белый* они образует антонимическую трёхчленную оппозицию, заняв второе измерение в русской системе цветообозначений:

[*красный* → *белый* ← *синий*]

признак b ¹	+	–	–
признак b ²	0	–	+

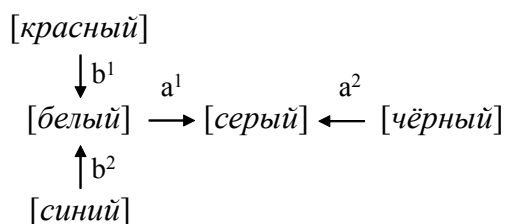
Слово *красный* легко обнаруживает в себе сему <хороший>, выступая в качестве синонима слову *белый*. Ср. у Даля: *красная* изба <чистая, *белая*, т.е. с трубой и *красными*, *косячатыми* (не *волоковыми*) окнами и рамами>; *красный* угол в избе <передний, старший, где иконы и стол> и т.д.; *красный* молодец (или девица), *красное* солнышко, *красная* строка и *красное* слово... И т.д. — примеров бесчисленное множество, один интереснее другого [3, т. 2, с. 187—188]. Субстратная семантика признака b¹ <тёплый> определяется по выражениям *красно солнышко*, *весна-красна*, *Красная Горка* <весенний праздник после Пасхи> и т.д. Древний протоиндоевропейский корень в слове *красный* (*краса*) — **ker-* (с дифтонгом **er*, который в кратком, своего рода «ларингальном», варианте повторяется в слове *ис-кр-а*, по нашему рассуждению (авторская этимология), имеет значение <высекать огонь (кресить)> (ср. [9, т. 1, с. 140]); в прасл. языке этот корень уже распространен формантом **eh* и после выпадения гласного **e* получает выражение **kr-eh-* = **kraa-* (*кра-са*). Наша этимология слова *красный* подтверждает правильность выбора семантического субстрата для признака b¹, который может быть выражен понятиями: <тёплый>, <огонь>, <солнце>.

Слово *синий* имеет древнюю семантику, которую можно выразить понятиями: <холодный>, <свет>, <молния>. Индоевропейский корень **sei-* (с вариантом типа ларингального **si-*) должен был в праславянском оставить рефлексы: **sii-* (как в слове *сияти* <сиять>) и **si-* (в славянских языках слова типа *снь*, которое должно было возникнуть на базе **si-* <сень>, к сожалению, не обнаружено, видимо, из-за контаминации древних слов со значениями <свет> и <тень> (ср. [9, т. 3, с. 624])). Не исключена, однако, возможность, что предполагаемый нами корень находится в словах *снег* и *сноп*. <Молниевидный> (<холодный>) *свет*, передаваемый словом *синий*, хорошо передает распространённый актант *синие молнии* в «Слове о полку Игореве».

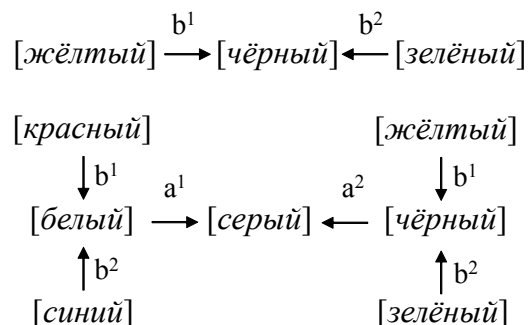
Ср. еще:

*Блеснула молния.
Скорей изобрази словами
Её очертания и цвет,
Не заботясь о блеске формы!* [14].

Оппозиции [*красный* → *белый*] и [*белый* ← *синий*], построенные на основе признаков второго измерения: b¹ <тёплый> и b² <холодный>, образуют «левое» крыло общей модели цветообозначения в русском языке:

«Правое» крыло модели составляют оппозиции слова *чёрный* с маркированными оппозиитами: *жёлтый* и *зелёный*:

В слове *жёлтый* угадывается древняя протоиндоевропейская основа **gel-*, которая наиболее неизменно сохранилась в славянском слове *глина*, где она подверглась формантному усложнению (с выпадением гласного **e* и расширением за счет *-*ei*:-**glei*-; ср.: [9, т. 1, с. 442]); ср. также поправку О. Н. Трубачева в статье Фасмера о слове *глина* [там же] и ссылку на [13]. Что касается первоначальной семантики слова *глина*, то, исходя из родственного слова в греч. языке (δεισα), это <*жижа, грязь, нечистоты*>. В самом же слове *жёлтый* древняя основа выступает в форме **gl-tu* (прасл. после 1-й палатализации: *žil-tu* = *жылтъ* или *жлтъ* — связь с *желчь*).

Отрицательное значение слова *жёлтый*, идущее от самой древней протоиндоевропейской эпохи, сохраняется и в современной русской языковой традиции. Ср. смысл *жёлтых роз* в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» или в стихотворении А. Ахматовой «Темнеют аллеи приморского сада...», где *темные аллеи* — символ <*Любви*>, а *жёлтые фонари*, которые *жёлты* только до утра, а утром их вообще не будет, — явный символ каких-то противоположных чувств: <*предательства*>, <*измены*> и т.п.; в результате этих, казалось бы, естественных цветовых смещений о *Любви* даже и говорить нельзя: «Я очень спокойный, но только не надо / Со мной о *Любви* говорить...» (в варианте А. Вертинского этот романс звучит особенно трагично).

Слово *зелёный* этимологи тоже связывают со словом *желчь* [9, т. 2, с. 92], и разделение на *жёлтый* и *зелёный* произошло, вероятно, довольно поздно.

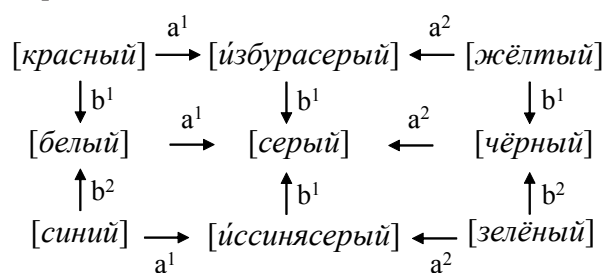
Но в слове *зелёный* находим очень древний след развития диалектного (язык *satəm*) смягчения: **gei-* ≥ **g'-e-* ≥ **z'-e-*.

У Даля отрицательные смыслы слова *зелёный* отражены в выражениях: *зелено вино, молодо-зелено, зелье* <*сорные травы и семена в хлебе*>; со словом *зелье* также связывают человека беспутного, негодного, *пройдоху, негодяя* и т. д. [3, т. 1, с. 676—677]. Однако, видимо, не всегда в языковой практике русского народа субстратное значение слова *зелёный* подчинено семе <*плохой*>. Ср. у Есенина:

...Сам себе казался я таким же клёном, /
Только не опавшим, а всюю зелёным...

Видимо, и слову *серый* нам придётся подарить маркированные оппозииты по признакам b^1 и b^2 . Ср. у Даля [3, т. 4; орфография упрощена]: «оттенки *серого* различны,

но главных два: *избура* и *иссиня*; *избурасерый*, *бурасерый*: *серый волк*, *серый заяц*, *серое* (некрашеное) *сукно* ... *иссинясерый*, *голубосерый*: *серые глаза*, *зола*, *пепел*, *серый конь*...» [с. 381]:

Построенная модель <цвета> насыщена словами-названиями цвета и до предела полна; современные русские люди вряд ли способны уже хранить её в памяти и легко воспроизводить при надобности, но они должны знать её, чтобы понимать тексты того же Сергеева-Ценского. И эта модель ещё не предел освоения *Пространства цвета*, которое отнюдь не *двухмерно*, а по крайней мере *трёхмерно*. Семантические признаки s^1 и s^2 , шифрующие «интенсивность» и «экстенсивность» <цвета> и создающие третье измерение цветового пространства, могут увеличить число цветовых лексем, представленных в последней модели, не менее чем на 18.

Название *красного цвета* по признакам s^1 «интенсивность» и s^2 «экстенсивность» цвета становится центром (гиперическим элементом) трехчленной оппозиции:

Малиновый, по Далю [3, т. 2, с. 292], «цвет ягоды малины, тёмно-алый, с небольшой просинью».

Вместо слова *малиновый* может быть слово *алый*, *багровый*, *багряный*, *пурпуровый*, *пунцовый* и др. [15], но слово *малиновый* очень древнее; оно, к тому же, определяет не только <цвет>, но и <запах> и даже <звук>. Ср. относительно *запаха*:

Расцвели цвяты.

Расцвели цвяты.

Расцвяли цвяты лазоревыя.

Распошли духи.

Распошли духи.

Распошли духи малиновыя

(Из старого репертуара Надежды Бабкиной.)

Относительно же *звука* подойдут примеры с выражением *малиновый звон* (см. на этот счет [16]).

Параллельно с развитием семантики слова *красный* (*малиновый* → *красный* ← *розовый*) происходит развитие (в полном соответствии с действием признаков s^1 и s^2) семантики слова *синий* (*фиолетовый* → *синий* ← *голубой*). Слова *жёлтый* и *зелёный* в этом отношении более инертны, хотя современные открытия в области цвета заставляют использовать возможности признака s на полную мощность, и здесь уже «приставки» типа *тёмно-* и *светло-* дела, видимо, не решают. Но совершенно точно усилением семантики слова *жёлтый* с помощью признака s^1 будет слово *оранжевый* (*оранжевый* → *жёлтый*). Поиски соответствующих модулей для слова *зелёный* могут быть предприняты читателями настоящей статьи, если они захотят стать нашими последователями. Может быть, даже слова нулевого цветового цикла, являющиеся развитием самого «бесцветного» сло-

ва *серый*, способны и дальше развивать свою семантику с помощью признаков группы с. Но это уже тема других исследований, а нами для этих целей разработан только алгоритм необходимых поисков.

Список использованной литературы и источников

1. Руделёв В. Г., Руделёва О. А. <БЕЛЫЙ> и <ЧЕРНЫЙ> в русском языке // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2001. Т. 23, № 5. VI Державинские чтения. С. 5—6.
2. Горват Г. Ф., Шарандин А. Л. Семантико-деривационные оппозиции по признаку пола // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1978. С. 697—700.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955 [и др. изд.].
4. Ладыгин Н. Золото лоз: Стихи и поэмы. Тамбов, 1993.
5. Руделёв В. Г. Невидим и дивен (К выходу книги палиндромических стихов и поэм Николая Ладыгина «Золото лоз». Тамбов, 1993 // Собр. соч. : в 6 т. Т. 3: Страницы провинциальной литературы. Избр. лит.-крит. и публ. статьи. Тамбов, 2000. С. 73—76.
6. Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках : пер. с фр. // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 302—562.
7. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование : пер. с фр. М., 1955.
8. Курилович Е. Индоевропейские этюды. Краков, 1935 (на фр. яз.).
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем., доп. и коммент. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1985—1987.
10. Руделёв В. Г. К вопросу о консонантном составе протоиндоевропейской языковой системы; Его же. Заметки о происхождении индоевропейских придыхательных согласных // Собр. соч. : в 6 т. Т. 5: Мифы о редуцированных. Избр. произведения по историческому языкознанию. Тамбов, 2001. С. 79—93.
11. Козлова Р. П. Система языка и эпитет (на материале произведений С. Н. Сергеева-Ценского) // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. VI Державинские чтения, 2001. Филология. С. 8—10.
12. Касьянова Е. Ю. Цветовая палитра творчества С. Н. Сергеева-Ценского: Лингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012.
13. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957.
14. Руделёв В. Г. Мысль // Скоморошья гора : избр. стихотворения и поэмы // Собр. соч. : в 6 т. Тамбов : Изд-во ТГУ, 1998. Т. 1, ч. 1. С. 59.
15. Руделёв В. [Г.]. Серебряные голуби. Новые стихи. Тамбов : Изд-во Першина, 2011. [Стихотворение «Красный цвет», с. 75].
16. Руделёв В. Г. Воспоминания о Чёрной земле: История имён, слов и народов. Тамбов : Тамб. пед. ин-т, 1994.

Поступила в редакцию 25.07.2012 г.

Владимир Георгиевич Руделёв, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, член Союза российских писателей.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
392036, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: ifg06@mail.ru

Ольга Алексеевна Руделёва, кандидат филологических наук, доцент
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
392036, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: rudelevao@mail.ru

V. G. Rudelev
O. A. Rudeleva

System representation of names of colors in Russian. From “black” and “white” to “green” and “red”

The article analyzes opposition and correlation of Russian words denoting <color>. The authors apply the information-theoretic method developed by Tambov linguistic school.

Key words: antonymic opposition, hyperic element, neutralization, synonymous opposition, distinctive feature, markedness, semantic substrate of word meaning.

Vladimir Georgievich Rudelev, Doctor of Philological Sciences, professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, a member of Russian Writers Union
Tambov State University
392036, Russian Federation, Tambov, ul. International'naya, 33
E-mail: ifg06@mail.ru

Olga Alekseevna Rudeleva, Candidate of Philological Sciences, assistant professor
Tambov State University
392036, Russian Federation, Tambov, ul. International'naya, 33
E-mail: rudelevao@mail.ru